

№№ 41—42. Вопросы

23 ноября 1908 г.

Въ 1908 г. „Сибирскіе Вопросы“ выходятъ **ежене-
дѣльно** въ размѣрѣ около трехъ печатныхъ листовъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. Новыя мѣропріятія переселенческаго управ-
ленія *Депута.*
II. Формы киргизскаго землепользованія (Про-
долженіе). *Л. Чермака.*
III. Земско-переселенческій трестъ *М. Ч.*
IV. Поѣздка въ Чугучакъ *Н—на.*
V. Горе бѣлагоачскихъ старожиловъ.
VI. Къ слухамъ о намѣстничествѣ *Р.*
VII. Сибирскія письма Селентинскъ (Тяжелыя условія аренды ,
рыбныхъ промысловъ).
VIII. Вопросъ о сибирскомъ земствѣ въ Госуд. Думѣ.
IX. Сибирскіе депутаты въ Госуд. Думѣ.
X. Сибирскіе вопросы въ думскихъ комиссіяхъ.
XI. У сибирскихъ депутатовъ.
XII. Изъ портфелей сибирскихъ депутатовъ.
XIII. Касающіеся Сибири новыя правительствен. законопроекты.
XIV. Хроника.
XV. Русская жизнь.
XVI. Иностранная жизнь.
XVII. Библіографія.
XVIII. Объявленія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Альтшулера. Фонтанка, 96.

1908.

однородными, какъ отличающимися одно отъ другого лишь по размѣрамъ. Могутъ, наконецъ, намъ возразить, что все это есть печальное слѣдствіе промаховъ и ошибокъ несовершенной еще организаціи, а несовершенства вытекаютъ—столь понятно—изъ новизны дѣла. Но о совершенствахъ въ какую сторону можно говорить тамъ, гдѣ неизбежно укрѣпились предвзятая цѣли, гдѣ самое дѣло въ корнѣ опорочено?..

М. Ч.

Поездка въ Чугучакъ.

(Путевыя замѣтки).

I.

Былъ конецъ августа, когда я на парѣ почтовыхъ лошадей выѣхалъ изъ Семипалатинска, невыносимо пыльнаго и душнаго въ лѣтнее время. Послѣ почти часового ожиданія повозка моя попала на паромъ, на которомъ совершается переправа на лѣвый берегъ Иртыша. Желающихъ переправиться всегда масса, и мѣсто на паромѣ добывается чуть-ли не съ бою. Крики и ругань оглашаютъ рѣку, стремглавъ летятъ телѣги, задѣвая одна другую, и стражникъ съ нагайкой съ трудомъ водворяетъ на паромѣ порядокъ. Бьютъ полочки экипажей, ушибаются люди, но ко всему этому, не говоря о потерѣ времени, семипалатинцы какъ будто привыкли. Чтобы понять все безобразіе такой переправы, надо замѣтить, что противъ Семипалатинска расположена большая торговая Семипалатинская Зарѣчная Слободка, и черезъ Иртышъ идутъ бойкія дороги на Вѣрный, Чугучакъ, Каркаралинскъ, Куянды, гдѣ бываетъ извѣстная Ботэвская ярмарка, и въ разныя киргизскія волости. Одно время среди семипалатинскихъ коммерсантовъ шли переговоры объ образованіи компаніи для устройства черезъ Иртышъ пловучаго моста, но если не мостъ, то устроить два-три парома городъ и слободка, конечно, давно бы могли.

Но вотъ, наконецъ, переправа кончена, и мы миновали Зарѣчную Слободку, населенную главнымъ образомъ кирги-

зами. Дорога на Чугучакъ идетъ сначала почтовымъ трактомъ на Вѣрный до Сергіополя (271³/₄ вер.), все время прямо къ югу отъ Семипалатинска. Ровная, какъ зеркало, степь, за свободкой казалась настоящей пустыней: рѣдкая и мелкая трава была выжжена солнцемъ, на глинистой же дорогѣ при движеніи повозки подымались столбы пыли, проникавшей рѣшительно всюду. Болѣе тоскливый ландшафтъ подыскать трудно. Лишь черезъ нѣсколько десятковъ верстъ мѣстность, по которой идетъ трактъ, начинаетъ терять свой однообразный равнинный характеръ. Появляются цѣпи невысокихъ горъ: Аркалыкъ, Аркатъ, Альджанъ, всѣ идущія съ востока къ западу. Горы безъ лѣса, но мѣстами съ хорошей травой въ долинахъ.

На всемъ протяженіи отъ Семипалатинска до Сергіополя нѣтъ ни одного селенія. Почтовыми станціями служатъ такъ наз. пикеты (всего 10). Это небольшіе домики съ комнатою для проѣзжающихъ и помѣщеніемъ для завѣдывающихъ пикетами „старостъ“ и ямщиковъ, исключительно киргизъ. Около каждого пикета разбросано въ безпорядкѣ по нѣскольку глинобитныхъ киргизскихъ зимовокъ, а лѣтомъ еще и юртъ. Тутъ живутъ джатаки — некочующіе киргизы, служащіе частью ямщиками, частью промышляющіе тѣмъ, что дадутъ зимой пріютъ многочисленнымъ возчикамъ клади и т. п. На пикетахъ всегда можно достать самоваръ, лѣтомъ иногда молоко и яйца, зимой же на дорогу надо запастись рѣшительно всѣмъ. Трактъ отъ Семипалатинска до Сергіополя и отсюда до пограничнаго мѣстечка Бахты содержитъ семипалатинскій купецъ Березницкій. По контракту съ казною, на первомъ трактѣ онъ обязанъ держать лишь три пары лошадей, на второмъ только двѣ. При массѣ проѣзжающихъ, если-бы Березницкій захотѣлъ строго придерживаться этого контракта, передвиженіе, въ особенности простыхъ смертныхъ, а не чиновниковъ (послѣднимъ лошади отпускаются внѣ очереди) совершалось бы со скоростью черепахи. Къ счастью, Березницкій находитъ для себя выгоднымъ держать лошадей значительно больше условленнаго числа, хотя безъ задержекъ дорога обходится все-таки рѣдко. Лѣтомъ лошади пасутся въ степи, и ночью часто приходится ждать на пикетѣ часъ, два и больше, пока перепрягутъ лошадей. Жалобы бесполезны, потому что

„староста“ безъ труда вамъ докажетъ, что лошади, которыхъ обязанъ содержать Березницкій, всё въ разгонѣ. Сидите и покорно ждите: время вѣдь у насъ, какъ говоритъ пословица, не волкъ, въ лѣсъ не убѣжить... А между тѣмъ плата за проѣздъ на парѣ берется сравнительно очень высокая: отъ Семипалатинска до Сергіополя—19 р. 96 к. и отъ Сергіополя до Бахтовъ (278¹/₄ вер.)—20 р. 22 к. Въ результатѣ, если проѣдете отъ Семипалатинска до Бахтовъ четверо сутокъ—приходится только радоваться...

Отъ Сергіополя на Бахты дорога идетъ къ юго-востоку. Сергіополь, раньше называвшійся Аягузомъ, расположенъ у рѣчки того же имени, около отроговъ Чингизскихъ горъ. Основанный въ 1831 г., Аягузь былъ главнымъ пунктомъ Аягузскаго внѣшняго округа; теперь Сергіополь—казачья станица, входящая въ составъ Лепсинскаго уѣзда Семирѣченской области. Почти всё постройки въ станицѣ—глинобитныя или изъ сырцоваго кирпича, обмазанныя бѣлой глиной. Вблизи станицы ютится еще болѣе убогая татарская слободка. Рѣчка Аягузь, бурливая весной, къ осени очень пересыхаетъ, и переправа черезъ нее въ бродъ совершается безъ всякаго труда.

За Сергіополемъ дорога становится значительно живописнѣе. Путь сначала лежитъ среди невысокихъ холмовъ, а затѣмъ вдоль южныхъ склоновъ Тарбагатайскаго хребта, на разстояніи отъ нихъ въ 20—50 вер. Въ началѣ сентября, когда я ѣхалъ обратно въ Семипалатинскъ, синяя гряда Тарбагатая сверху была уже покрыта снѣгомъ, отчего горы казались еще прекраснѣе. Высота Тарбагатайскаго хребта опредѣляется въ 6—7 т. ф.; главныя вершины находятся въ средней части хребта (Тасъ-тау), достигая 9—10 т. ф. и сохраняя вѣчный снѣгъ. Въ горахъ беретъ начало множество рѣчекъ, быстрыхъ и многоводныхъ весной, благодаря чему дорога тогда становится не безопасной. Изъ рѣчекъ проведены арыки (канавы) для орошенія пашенъ, которыя тутъ имѣли киргизы еще задолго до завоеванія края русскими. Лессовая почва, даже при самой примитивной киргизской обработкѣ, даетъ при поливкѣ очень хорошіе урожаи. Степная растительность здѣсь тоже гораздо лучше, чѣмъ къ сѣверу отъ Сергіополя.

Между Сергіополемъ и Бахтами по дорогѣ расположены

9 пикетовъ, одна казачья станица—Урджаръ въ 176 верст. отъ Сергіополя и большое крестьянское селеніе Ивановское, въ 46 вер. отъ Урджара (недалеко отъ пикета Катынъ-су).

Какъ невзраченъ видъ Сергіопольской станицы, такъ, напротивъ, красивъ Урджаръ. Вдоль такихъ же бѣлыхъ домиковъ по обѣимъ сторонамъ улицы растутъ высокія ивы, карагачъ, тополи, такъ что станица вся утопаетъ въ зелени. Небольшая церковь стоитъ въ саду со старыми высокими деревьями. А въ 15—20 вер. синѣетъ могучій Тарбагатай съ своими отрогами, доходящими до самой станицы. Въ Урджарѣ, кромѣ казачьихъ властей, живетъ мировой судья, врачъ, есть больница, почтово-телеграфное отдѣленіе, школа. Базаръ съ лавками немного меньше, чѣмъ въ Сергіополѣ. Точнаго числа жителей въ станицѣ я не знаю; мнѣ опредѣлили его въ 2—3 тыс. Половина жителей не казаки: торговцы и переселенцы-крестьяне изъ Россіи, почти все молороссы. Переселенцевъ манитъ сюда плодородіе и дешевизна земли. Одной пахотной земли у казаковъ приходится по 20 дес. на м. душу, много прекрасныхъ покосовъ и обширный выгонъ. Сами казаки земледѣліемъ занимаются мало и охотно сдаютъ свою землю въ аренду. Обычная арендная плата—50 к. за десятину пахотной земли въ годъ. По словамъ казаковъ, поливная пашня эксплуатируется 6—8 л., послѣ чего отдыхаетъ 2—3 года. Сѣется преимущественно пшеница и овесъ; есть бахчи съ дынями и арбузами, разводится низкосортный табакъ. Въ долинахъ Тарбагатая недалеко отъ Урджара растутъ дикія яблоки, малина, смородина, прекрасная клубника и проч., почему, надо думать, въ станицѣ возможно было бы развитіе садоводства, но объ этомъ никто не думаетъ. Ничегонедѣланье казаковъ и здѣсь, какъ вездѣ, поразительно. Говорятъ и пишутъ о некультурномъ хозяйствѣ русскихъ крестьянъ, но здѣсь, въ сравненіи съ казачьими порядками, это хозяйство является своего рода совершенствомъ... Переселенцы съ нескрываемымъ удивленіемъ говорятъ о жизни казаковъ, которые палецъ о палецъ не хотятъ ударить, чтобы улучшить свое положеніе. Правда, расширенію хлѣбопашества много вредитъ отдаленность крупныхъ рынковъ сбыта, но за то въ станицѣ могло бы процвѣтать, во всякомъ случаѣ, скотоводство и птицеводство. Для продуктовъ послѣдняго Чугучакъ представляетъ

прекрасный рынокъ, и нѣкоторые изъ переселенцевъ уже начали возить туда яйца и проч.

Грусть и досада охватываютъ васъ, когда вы стараетесь узнать, какъ же живутъ въ этой станицѣ, гдѣ все, кажется, создано для того, чтобы люди жили въ довольствѣ. Разумѣется, никакой общественной библіотеки въ станицѣ нѣтъ, и на книги и газеты спроса почти не существуетъ; разумѣется, не бываетъ ни публичныхъ лекцій, ни какихъ бы то ни было „разумныхъ“ развлеченій; разумѣется, опять таки, мѣстные „интеллигенты“ никакого вліянія на окружающую жизнь не оказываютъ, частью по „независящимъ обстоятельствамъ“, а еще больше, пожалуй, по собственной къ тому неподготовленности. Мнѣ пришлось долго бесѣдовать съ однимъ изъ такихъ интеллигентовъ: это очень симпатичный человѣкъ, его интересуютъ разные отвлеченные вопросы, немножко онъ даже „толстовецъ“, но для Урджара, для подъема мѣстной жизни онъ сдѣлать ничего не можетъ...

Зато водку, въ особенности зимой, станичники пьютъ на славу. Убогая сѣрая жизнь скрашивается пьянымъ разгуломъ, лучше котораго станичники ничего передъ собой не видятъ...

Большое крестьянское селеніе Ивановское лежитъ въ сторонѣ отъ почтовой дороги. По общимъ отзывамъ, хозяйство здѣсь поставлено лучше, чѣмъ въ Урджарѣ, и крестьяне живутъ въ большомъ довольствѣ. Къ сожалѣнію, мимо Ивановскаго я ѣхалъ ночью и потому остановиться тамъ для разспросовъ не счелъ удобнымъ. Виднѣлось съ дороги большое мѣстечко съ глинобитными домиками и массой деревьевъ. Урджарцы передавали мнѣ, что такой бѣлой пшеницы, какая родится въ Ивановскомъ, у нихъ никогда не бываетъ. Вообще, переселенцы здѣсь осѣли прочно и сумѣли уже приспособиться къ культурѣ земли съ поливкой, чего обыкновенно боятся выходцы изъ Россіи.

По долиинѣ вдоль Тарбагатая переселенческимъ управленіемъ, какъ я слышалъ въ Урджарѣ, намѣчено нѣсколько участковъ подъ переселенческіе поселки. Но кромѣ переселенцевъ, водворяющихся въ краѣ на постоянное жительство, не мало ихъ перебирается съ мѣста на мѣсто, арендуя землю то у казаковъ, то у киргизъ, а то и просто занимая ее безъ всякихъ условій съ владѣльцами. Есть своего

рода „пѣноксниматели“, которые снимутъ на цѣлинѣ урочая два и передвигаются дальше на новую цѣлину. Осѣсть прочно многимъ изъ переселенцевъ не мало мѣшаетъ, между прочимъ, крайне неудобная форма арендованія киргизской земли. По дѣйствующему закону, сдача такой земли въ аренду допускается лишь по приговорамъ аульныхъ и волостныхъ сходовъ, по утвержденіи такихъ приговоровъ областнымъ правленіемъ на срокъ не свыше 30 лѣтъ. Не говоря объ обычной въ такихъ случаяхъ волокитѣ и необходимости сговориться съ волостными заправилами, самый срокъ аренды для устройства культурнаго хозяйства, разумѣется, слишкомъ недостаточенъ. Переселенцы законъ обходятъ, заключая словесныя сдѣлки съ отдѣльными киргизами или ихъ группами, но очевидно, что въ случаѣ споровъ ихъ арендаторскія права никакой защиты въ судѣ не найдутъ. Возникаютъ часто споры; земля завѣдомо истощается, а въ результатѣ не выигрываютъ ни переселенцы, ни киргизы. По рассказамъ, главное, чего опасаются новоселы отъ киргизъ—это обычнаго въ степи угона лошадей. Судъ въ такихъ случаяхъ фактически помочь не можетъ, и лепсинскіе переселенцы (какъ, впрочемъ, и въ другихъ мѣстностяхъ) въ случаяхъ пропажи лошадей сами прибѣгаютъ къ суровой расправѣ, нападая на любой сосѣдній киргизскій аулъ, гдѣ производятъ настоящій погромъ. Въмѣсто похищенныхъ отбираются киргизскія лошади, можетъ быть, и съ излишкомъ... Возникаютъ уголовныя дѣла въ судѣ, но нерѣдко ссоры улаживаются при посредствѣ волостныхъ киргизскихъ управителей, и похищенные лошади обѣими сторонами другъ другу возвращаются...

Почтовая дорога оканчивается въ мѣстечкѣ Бахтахъ, около котораго расположено большое крестьянское селеніе Захарьевское. Въ мѣстечкѣ устроенъ таможенный „пунктъ“ и казармы для стоящаго здѣсь казачьяго отряда; есть базаръ съ лавками, почтово-телеграфное отдѣленіе. Населеніе мѣстечка состоитъ, главнымъ образомъ, изъ татаръ, въ с. Захарьевскомъ—изъ малороссовъ. Постройки, зелень—все какъ въ Урджарѣ. Въ Захарьевскомъ, кромѣ старожиловъ, живетъ еще много неустроившихся нигдѣ новоселовъ. Старожилы жаловались мнѣ на крайній, будто бы, недостатокъ у нихъ надѣльной пахотной земли, почему они ежегодно

вынуждены арендовать у киргизъ по нѣскольку сотъ десятинъ за плату по 30 к. съ десятины. Хлѣбъ имѣетъ постоянный сбытъ въ Чугучакѣ, гдѣ цѣна пшеницы въ зернѣ колеблется между 35—80 к. и въ мукѣ 45 к.—1 р. за пудъ. Кромѣ хлѣба, крестьяне возятъ въ Чугучакъ свиней, птицу и разныя овощи, въ особенности капусту и арбузы. Послѣдніе въ Бахтахъ прекраснаго вкуса и большихъ размѣровъ. Цѣна ихъ въ Чугучакѣ отъ 4 до 10 р. за сотню.

II.

Отъ Бахтовъ до Чугучака считается около 21 вер. Почтовая дорога въ Бахтахъ кончается, и для поѣздки въ Чугучакъ нанимаютъ лошадей у мѣстныхъ татаръ или въ с. Захарьевскомъ у крестьянъ. Обычная плата за пару въ некрытой телѣжкѣ 3 р. Дорога идетъ совершенно ровной степью и отличается въ сухую погоду поразительной пылью. Черезъ нѣсколько минутъ ѣзды вы дѣлаетесь весь сѣрожелтымъ и съ трудомъ дышите. Недалеко за границей китайцы устраиваютъ небольшой таможенный пунктъ, въ настоящее же время граница переѣзжается безъ всякихъ опросовъ и осмотровъ со стороны китайскихъ властей.

Въ Чугучакѣ я былъ нѣсколько разъ и въ первую поѣздку потратилъ не мало времени, чтобы найти, гдѣ остановиться. Возница, вопреки своимъ увѣреніямъ, оказалось, не зналъ, куда меня пріютить, и лишь по указанію какого-то киргиза мнѣ удалось найти домъ одного русскаго, гдѣ за рубль въ сутки мнѣ отвели небольшую комнату съ прихожей въ глинобитномъ флигелѣ. Какъ я потомъ узналъ, принимаютъ проѣзжихъ за ту же плату и нѣкоторые татары, обыкновенно же путники останавливаются у знакомыхъ. Гостиницъ, меблированныхъ комнатъ и т. п. въ Чугучакѣ нѣтъ.

Чугучакъ лежитъ въ Тарбагатайскомъ округѣ, который въ административномъ отношеніи входитъ въ составъ китайской провинціи Джунгаріи. Въ округѣ живутъ кочевые киргизы и калмыки, въ Чугучакѣ же, кромѣ нихъ, живутъ китайцы, дунганы, сарты изъ Туркестана и Кашгара, татары, русскіе и пр. Всего въ городѣ свыше 20 т. жителей. Завѣдываніе военной частью въ округѣ и кочевымъ населеніемъ при-

надлежить военному губернатору (хэбей-амбань), гражданская часть и управление осѣдлымъ населеніемъ (кромѣ русскихъ подданныхъ) сосредоточены въ рукахъ уѣзднаго начальника (ти-фань-гуань).

Кто не былъ въ китайскихъ городахъ, на того Чугучакъ производить въ первый разъ поразительное впечатленіе какъ своей оригинальной внѣшностью, такъ и своеобразной сутолокой уличной жизни. Городъ, кромѣ предмѣстій съ заимками, состоитъ изъ крѣпостей, китайской части и русской факторіи. Попробую описать ихъ отдѣльно.

Главныхъ крѣпостей двѣ: манчжурская, гдѣ живетъ военный губернаторъ съ подчиненными ему чиновниками, и китайская, гдѣ имѣетъ пребываніе уѣздная администрація. Крѣпости окружены высокими и очень толстыми глинобитными стѣнами съ башнями въ китайскомъ стилѣ. Разумѣется, современная артиллерія могла бы очень скоро разрушить эти стѣны, но на случай мятежа туземцевъ крѣпости представляютъ хорошую опору для сопротивленія. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ крѣпостей, есть еще такія же, но небольшія, гдѣ живутъ солдаты. Въ каждой крѣпости желѣзные ворота, которые на ночь запираются. Около воротъ находятся особыя зданія для стражи, съ развѣшеннымъ оружіемъ на стѣнѣ: въ манчжурской крѣпости—съ манчжурскимъ и въ китайской—съ китайскимъ. Чего тутъ только нѣтъ: копыя, какія-то палки тѣ зубцами и т. п. Изъ воротъ черезъ каждую крѣпость идетъ улица, вдоль которой и расположены дома для чиновниковъ и ихъ канцелярій. Дома чиновниковъ стоятъ внутри дворовъ, куда можно пройти черезъ выходящія на улицу большія каменные ворота. Напротивъ такихъ воротъ, на другой сторонѣ улицы, вездѣ стоитъ каменная стѣна, большей или меньшей величины, съ раскрашенными изображеніями какихъ-то чудовищъ. Въ крѣпостяхъ же находятся тюрьмы, порядки въ которыхъ чугучакскіе русскіе мнѣ описывали въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Есть, будто бы, ямы, куда сажаютъ преступниковъ, клѣтки, гдѣ они могутъ или только лежать или стоять и т. п. Около одной тюрьмы, а потомъ и на улицѣ внѣ крѣпости я встрѣтилъ одного арестанта - киргиза, который едва передвигался, поддерживая обѣими руками большой желѣзный шестъ. Оказалось, что человѣкъ этотъ былъ

прикованъ къ шести двумя коротенькими цѣпями: изъ нихъ верхняя была припаяна къ желѣзному ошейнику, плотно облегавшему шею несчастнаго, а нижняя—къ кольцу на ногѣ. Арестантъ на ночь долженъ былъ являться въ тюрьму, а днемъ „свободно“ гулялъ по городу, собирая милостыню. По моей просьбѣ, чугучакскій консулъ С. В. Соковъ просилъ уѣзднаго начальника разрѣшить мнѣ осмотрѣть тюрьму, на что послѣдовалъ любезный отвѣтъ, что тюрьма будетъ мнѣ показана, какъ только освободится отъ какихъ-то экстренныхъ занятій завѣдывающій ею чиновникъ. Прошло два дня, просьба была повторена, и тотчасъ же послѣдовалъ новый не менѣе любезный отвѣтъ, что чиновникъ все еще не освободился отъ своихъ занятій. Такъ я и уѣхалъ изъ Чугучака, не дождавшись конца этихъ занятій...

Въ крѣпостяхъ сравнительно чисто, но гдѣ поразительная грязь и вонь—это въ китайской части города, внѣ крѣпостей. По обѣимъ сторонамъ узенькихъ улицъ (иногда только въ семь шаговъ ширины) тянутся лавочки и магазины съ раздвинутыми дверьми, такъ что торговля производится какъ-бы на самой улицѣ. Большихъ, въ нашемъ смыслѣ, магазиновъ вовсе нѣтъ. Въ каждой изъ лавочекъ торгуютъ самыми разнообразными товарами: напр., я былъ въ такихъ, гдѣ продавались разныя китайскія матеріи, чай, сласти и даже овощи. Какого либо порядка въ размѣщеніи торговыхъ заведеній совсѣмъ нѣтъ: галантерейныя лавки, аптеки, харчевни, цирульни, даже лавки, гдѣ продается мясо, чередуются какъ попало. Мелкій скотъ (свиньи, бараны) преспокойно колется около лавокъ, и тутъ же хозяева приготавливаютъ мясныя туши. Отбросы живо подѣдаются собаками, которыхъ въ Чугучакѣ неизмѣримое количество. Собаки здѣсь исполняютъ функціи санитаровъ. Днемъ онѣ очень покойны, но ночью для непривычнаго человѣка встрѣча на улицахъ, среди непроглядной тьмы, съ цѣлыми стадами лающихъ собакъ, сознаюсь, не особенно пріятна... Въ харчевняхъ обѣды стряпаются также у всѣхъ на виду. Все, начиная отъ печенья до жаренаго мяса, готовится на кунжутномъ маслѣ, которое имѣетъ отвратительнѣйшій запахъ. Кунжутный чадъ носится повсюду и мѣстами, гдѣ больше харчевенъ, дѣлаетъ пребываніе на улицѣ невыносимымъ. Не менѣе скверный запахъ имѣетъ китайская водка

(джунъ-джунъ): она продается „распивочно и на выносъ“ во многихъ лавочкахъ. Китайцы пьютъ ее подогрѣтой.

Изъ торговыхъ заведеній стоитъ описать особо баню и опійную лавочку.

Баня (торговая) состоитъ изъ двухъ помѣщеній: раздѣвальной комнаты и бассейна съ водой, въ которомъ моются всѣ вмѣстѣ. Раздѣвальня, съ ящиками на стѣнѣ для платья, имѣетъ, сравнительно, приличный видъ, въ бассейновой же комнатѣ отвратительная вонь отъ грязной воды.

Тяжелое впечатлѣніе произвела на меня лавочка, гдѣ продаютъ и курятъ опій. Вдоль длиннаго и узенькаго глинобитнаго домика шли нары, на которыхъ лежали курильщики. Кто еще приготовлялъ опій для куренья, кто жадно тянулъ дымъ изъ трубокъ; нѣкоторые, уже накурились. Лица почти у всѣхъ были испитыя, землистаго цвѣта. Среди курильщиковъ я замѣтилъ нѣсколько сартовъ, большинство же состояло изъ китайцевъ. Одному изъ нихъ, по крайней мѣрѣ на видъ, было лѣтъ 16—17. Я попробовалъ курить, но никакихъ послѣдствій отъ моего куренья, кромѣ сильной головной боли, не было. Кромѣ опія, въ той же лавочкѣ желающимъ подаются трубки съ табакомъ, годныя всего для одной затяжки.

Дома, гдѣ живутъ китайцы, торгующіе въ лавочкахъ, находятся внутри дворовъ. Удивительный консерватизмъ китайцевъ поразительно проглядываетъ въ устройствѣ этихъ домовъ, совершенно, кажется, неприспособленныхъ къ суровому, сравнительно, климату Чугучака. Все, отъ системы отопленія до оконъ съ бумагой вмѣсто стеколъ—чисто китайское.

Въ китайской части на улицахъ необычайная сутолока; вездѣ снуютъ китайцы въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ и съ длинными черными косами, тихо идутъ или ѣдутъ верхами киргизы; всюду гамъ и шумъ. Что меня поразило, это изнуренный видъ китайцевъ, которые около цвѣтущихъ здоровьемъ киргизъ и сартовъ положительно казались какими-то больными людьми. Говорятъ, здоровье здѣшнихъ китайцевъ разстраиваетъ опій и водка. Китайскіе солдаты въ Чугучакѣ, пожалуй, еще хуже: все люди пожилые, худощавые—кажется, одинъ киргизъ или русскій казакъ безъ труда справится съ десяткомъ такихъ „воиновъ“, очень на-

поминающихъ, благодаря костюму и косамъ, немолодыхъ женщинъ. Послѣднія на улицахъ попадаются очень рѣдко. Сартянки сидятъ по своимъ домамъ, у китайцевъ же въ Чугучакѣ крайній недостатокъ женщинъ. Богатые китайскіе торговцы часто содержатъ сартянокъ изъ Кашгара. Мнѣ удалось видѣть двухъ такихъ дѣвушекъ, которыя жили около одной изъ лавокъ и, разгуливая по двору, то и дѣло выглядывали на улицу. Это были дѣвочки лѣтъ 14—15, небольшого роста, смуглыя, съ пріятными лицами и очень длинными черными волосами. Одѣты онѣ были по китайски. Въ Чугучакѣ мнѣ передавали, что бѣдняки въ Кашгарѣ часто продаютъ своихъ дочерей за безцѣнокъ.

Въ Чугучакѣ есть нѣсколько китайскихъ храмовъ. Всѣ они устроены одинаково. На улицу выходятъ большія каменные ворота, отъ которыхъ къ храму, находящемуся въ противоположномъ концѣ двора, ведетъ вымощенная дорожка. По сторонамъ послѣдней стоятъ небольшія зданія не то для служителей, не то для привратниковъ. Храмы кирпичные, съ площадками впереди, очень небольшого размѣра. Всѣ храмы наполнены разодѣтыми идолами въ ростъ человѣка и больше. Есть храмъ, гдѣ идола исключительно женскаго пола. Особой заботы о храмахъ не видно: всюду пыль, на папертяхъ масса голубинаго помета, по двору бродятъ собаки. Въ одномъ изъ храмовъ на жертвенномъ столѣ стояла съ курительными свѣчками жестянка изъ-подъ конфетъ, съ наклееннымъ на ней портретомъ Пушкина.

Во время моего пребыванія въ Чугучакѣ, на большомъ дворѣ храма, стоящаго вблизи лавокъ, былъ устроенъ помостъ, на которомъ китайскіе актеры давали какія-то представленія. Посѣтители толпились около помоста, любясь зрѣлищемъ (на мой взглядъ, довольно-таки отвратительнымъ) безъ всякой платы. На дворѣ храма расположились продавцы разной снѣди, а одинъ изъ нихъ тутъ-же приготовлялъ изъ тѣста завитушки въ родѣ нашего „хвороста“ и пекъ ихъ на кунжутномъ маслѣ. Запахъ и отъ него, и отъ китайской толпы былъ ужасный.

Большимъ, сравнительно, благоустройствомъ отличается русская факторія. Начало ей было положено въ 1851 года, когда между Россіей и Китаемъ былъ заключенъ кульджинскій трактатъ, въ силу котораго русскому правительству

было предоставлено право открыть консульства и устроить факторіи въ Кульджѣ и Чугучакѣ. Факторіи не разъ приходилось переживать тяжелыя времена. Такъ, въ 1855 году китайская чернь разграбила и сожгла факторію, за что китайское правительство уплатило русскому 300 т. р. Еще тяжелѣе было положеніе факторіи въ 60-хъ годахъ, когда въ Западномъ Китаѣ вспыхнуло дунганское возстаніе. Самое консульство было перенесено въ 1865 г. въ Урджаръ, гдѣ оно было закрыто въ 1875 г. и восстановлено въ Чугучакѣ лишь въ 80-хъ годахъ.

Въ русской факторіи большинство населенія составляютъ сарты, имѣющіе цѣлыя ряды лавокъ около китайскаго базара. Кромѣ сартовъ, есть татары, киргизы и русскіе. Какъ и въ китайской части, въ факторіи всѣ постройки глинобитныя или изъ сырцоваго кирпича. Улицы узенькія, съ арыками, около которыхъ растутъ ивы и пирамидальныя тополи. Сартовскіе домики строятся внутри дворовъ, такъ что на нѣкоторыхъ улицахъ ничего, кромѣ высокихъ сырцовыхъ заборовъ, не видно. Что еще бросается въ глаза—это обычай класть сѣно на плоскія крыши, а не въ сарай. Жизнь въ Чугучакѣ дешевой назвать нельзя. Особенно дороги квартиры, топливо (карагайникъ и тезекъ) и прислуга. Наѣхавшіе въ Чугучакъ русскіе ремесленники и чернорабочіе могли-бы имѣть очень хорошій заработокъ, если-бы не китайская водка. Дешевизна ея (15—20 к. бутылка) нѣкоторыхъ положительно губить...

Факторія и ея жители состоятъ подъ управленіемъ русскаго консула, который тутъ и губернаторъ, и судья, и все, что хотите. Теперешній консулъ С. В. Соковъ пользуется въ Чугучакѣ необычайной популярностью. Пріятно и какъ-то странно было, слыша рѣзкіе отзывы о китайской администраціи, слышать, наоборотъ, рассказы о гуманности и крайней доступности этого представителя русской власти. За то съ какими только просьбами къ нему не обращаются? При мнѣ заѣзжіе турки знать не хотѣли китайскихъ властей и никакъ не могли понять, что консулъ ихъ споровъ разбирать не въ правѣ. Одна татарка жаловалась даже на мужа, обвиняя его въ излишней страстности и т. п. Небольшая канцелярія консула всегда биткомъ набита просителями.

Кромѣ консульства, въ Чугучакѣ изъ русскихъ учре-

жденій есть почтово-телеграфное отдѣленіе, русско-туземная школа и отдѣленіе русско-китайскаго банка. По даннымъ консула, обороты русской торговли въ Чугучакѣ доходятъ до нѣсколькихъ милліоновъ рублей въ годъ. Какъ и прежде, торговля сосредоточена въ рукахъ, главнымъ образомъ, туркестанскихъ сартовъ и татаръ. Наиболѣе крупные торговцы: Габдулжапаровы, Ботвинъ, Абдрашитовъ, Чанышевъ, Абдуллинъ, Измаилбаевъ и др. Какъ эти фирмы, такъ и разные сарты, изъ которыхъ каждый чѣмъ-нибудь торгуетъ, продаютъ русскія мануфактурныя, металлическія и др. издѣлія, въ Россію же сбываютъ разное мѣстное сырье (шерсть, кожи) и скоть. Вся торговля основана на кредитѣ и мѣнѣ. Крупные торговцы получаютъ свой товаръ, обыкновенно, отъ московскихъ коммерсантовъ, выдавая векселя съ платежемъ въ Ирбитской и Нижегородской ярмаркахъ. Затѣмъ товаръ или перепродается, опять таки въ кредитъ, болѣе мелкимъ торговцамъ, или съ прикащиками отправляется въ степь къ киргизамъ и калмыкамъ для обмѣна (часто тоже въ кредитъ) на ихъ сырье. Послѣднее надо получить, продать и только тогда является возможность расплатиться въ срокъ съ москвичами и получить въ кредитъ новый товаръ. Изъ сказаннаго видно, съ какой медленностью совершаются торговые обороты, въ особенности при отсутствіи пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ. Передаю общіе отзывы, не отвѣчая за ихъ основательность, что если-бъ отъ Семипалатинска была проведена черезъ Сергіополь желѣзная дорога, она оживила бы богатый лепсинскій край и, удешевивъ провозъ товаровъ, во много разъ увеличила бы размѣръ нашей торговли съ Чугучакомъ и тяготящимъ къ нему громаднымъ райономъ съ нѣсколькими большими китайскими городами. Очевидно также, что при существующемъ характерѣ товарообмѣна всякая заминка въ операціяхъ съ киргизами и калмыками должна влечь за собой остановку въ цѣломъ рядѣ платежей. Двѣтри неудачи—и сарты не выдерживаютъ, предлагая москвичамъ, вмѣсто отсрочекъ, по полтиннику и меньше за рубль. Начинаются переговоры и нерѣдко проходитъ нѣсколько лѣтъ, пока они кончаются къ общему удовольствію.

Въ настоящее время торговля въ Западномъ Китаѣ особыхъ опасностей не представляетъ, но не то было даже

лѣтъ 20 тому назадъ, не говоря ужъ о болѣе давнемъ времени. И какіе зато типы вырабатывались тогда въ приграничной Сибири! Въ Чугучакѣ я встрѣтилъ, между прочимъ, нѣкоего С., человѣка лѣтъ 50—60, но еще бодрого и энергичнаго, какъ юноша. Гдѣ и кѣмъ онъ только ни былъ: прикащикомъ, довѣреннымъ разныхъ фирмъ въ Китаѣ, служилъ на приискахъ, велъ самъ торговлю, которой занимается и теперь въ верховьяхъ Иртыша, гдѣ, въ концѣ концовъ, думаетъ заняться сельскимъ хозяйствомъ. Разказы С. о его жизни и похожденияхъ въ разныхъ китайскихъ городахъ—это цѣлый фантастическій романъ съ подчасъ очень рискованными приключеніями. Вообще, жизнь многихъ русскихъ въ Чугучакѣ—изъ какихъ только мѣстъ нѣтъ на границѣ людей—могла-бы дать много матеріала для характеристики бродячей Руси. Недалеко отъ Бахтовъ я встрѣтилъ, напр., одного человѣка родомъ изъ южной Россіи: онъ жилъ въ Семирѣчьи, проѣхалъ всю Сибирь вплоть до Манчжуріи и наконецъ очутился около китайской границы подъ Чугучакомъ и т. п.

Въ Чугучакѣ я слышалъ много разказовъ о рудныхъ богатствахъ края, о каменномъ углѣ и даже нефти въ Монасѣ. Добычей нефти теперь будетъ завѣдывать китайская администрація, для чего ею приглашены на службу нѣсколько русскихъ.

Скажу еще два слова о многочисленныхъ сартовскихъ заимкахъ около самаго Чугучака. Заимки небольшія—въ 5—10 дес.; земля арендуется обязательно на имя китайскихъ подданныхъ. Всѣ постройки, ограды и проч. изъ глины. Всюду проведены арыки, обсаженные деревьями, среди которыхъ расположены и строенія. На поляхъ разводятъ арбузы, великолѣпныя дыни и разныя овощи; сѣется также въ большомъ количествѣ клеверъ. Послѣдній сѣется одинъ разъ въ 5—10 лѣтъ и даетъ три сбора въ лѣто. У нѣкоторыхъ богатыхъ сартовъ и татаръ есть фруктовые сады. Я осматривалъ садъ у Габдулжапарова, который выписывалъ отсадки деревьевъ изъ Ташкента, Вѣрнаго и даже Воронежа. Въ садахъ у него растутъ яблони разныхъ сортовъ, вишни, виноградъ, малина и пр. Охраны на зиму требуетъ только виноградъ. Деревья на лессовой почвѣ при поливкѣ растутъ необычайно быстро: сады Габдулжапарова

засажены громадными тополями, карагачами и пр., которые разведены, по его словамъ, очень недавно. Сады эти устраиваются пока исключительно изъ любви къ дѣлу, безъ всякихъ промышленныхъ цѣлей. Какъ передалъ мнѣ Габдулжапаровъ, отправленный имъ въ Семипалатинскъ вишни, не говоря объ яблокахъ, дошли безъ всякой порчи.

Хлѣбъ сѣется дальше за Чугучакомъ, на обширной долинѣ вдоль Тарбагатая, которая извѣстна подъ именемъ Эмельской, отъ названія горной рѣки Эмель, текущей по этой долинѣ. Всѣ пашни поливныя. Тамъ же находятся и китайскія заимки, отличающіяся поразительной грязью. Около каждой изъ нихъ неизбѣжно бродятъ черныя свиньи какой-то китайской породы. На заимкахъ почти вездѣ рабочими служатъ киргизы.

III.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бахтовъ находится урочище Чубаръ-агачъ, извѣстное тѣмъ, что на немъ устраиваются періодически, по соглашенію туркестанскаго и степного генералъ-губернаторовъ съ китайскими властями, такъ наз. „международные съѣзды“ русскихъ и китайскихъ киргизъ для разбора по обычаямъ взаимныхъ претензій. Такой съездъ былъ въ августѣ 1908 года и въ сентябрѣ 1906 г., оба раза въ бытность мою въ Чугучакѣ. Съездъ настоящаго года, продолжавшійся около мѣсяца, закончился очень мирно. Всѣхъ исковъ было предъявлено на 1400000 р., изъ нихъ рѣшено мировыми сдѣлками на 1300000 р. Да не смущается читатель этими цифрами: у киргизъ каждая сторона любитъ устрашить другую, увеличивая исковыя требованія во много разъ больше противъ дѣйствительной потери. Кромѣ киргизскихъ исковъ, на томъ же съездѣ разматривались иски къ киргизамъ чугучакскихъ торговцевъ, даже по документамъ. Совсѣмъ инымъ характеромъ отличался съездъ 1906 года. Незадолго до его открытія нѣсколько сотъ кибитокъ китайскихъ киргизъ рода Кызай откочевало въ русскіе предѣлы, частью въ Зайсанскій уѣздъ Семипалатинской области, главнымъ же образомъ въ Семирѣчье. Бывшіе на съездѣ китайскіе делегаты встревожились и открыто заявили, что виновникъ этой откочевки—одинъ изъ русскихъ делегатовъ, будто бы подстрекавшій киргизъ

къ переселенію изъ Китая въ Россію. Правда, отъ этого обвиненія китайцы потомъ отказались, принеся официальное извиненіе, тѣмъ не менѣе на требованія русскихъ делегатовъ о необходимости открыть съѣздъ все время указывали, что раньше должны быть возвращены въ Китай бѣжавшіе киргизы *). Началась чисто китайская волокита и когда, наконецъ, было рѣшено открыть съѣздъ, развѣхались почти всѣ киргизы.

Русскіе киргизы, находясь въ родовыхъ связяхъ съ бѣжавшими, не только не противодействовали ихъ переходу черезъ границу, а наоборотъ, оказывали имъ помощь. Бѣжавшіе киргизы подали телеграмму на имя Государя съ просьбой объ оставленіи ихъ въ Россіи, а если это окажется невозможнымъ, то о заступничествѣ за нихъ передъ китайскимъ императоромъ. Дѣло въ концѣ концовъ было улажено такъ, что бѣжавшіе согласились вернуться въ свои кочевья, а китайское правительство обязалось не подвергать ихъ за откочевку никакимъ преслѣдованіямъ.

Причиной бѣгства этихъ киргизъ изъ Китая въ русскіе предѣлы послужили страшные поборы китайскихъ чиновниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, во главѣ съ военнымъ губернаторомъ, были вскорѣ послѣ этого уволены отъ службы, но настоящимъ „козломъ отпущенія“ явился волостной управитель (укурдай) бѣжавшихъ киргизъ Дамеджанъ. Онъ дѣйствительно нажилъ поборами большое состояніе, хотя большая часть такихъ поборовъ передавалась имъ китайскимъ чиновникамъ. Дамеджанъ былъ схваченъ и посаженъ въ Чугучакъ въ тюрьму. Родственники арестованнаго тотчасъ сдѣлали попытку подкупить китайскую администрацію, что имъ, казалось, и удалось. По разсказамъ старшей жены Дамеджана, на такой подкупъ было истрачено свыше 20 т. р. Дамеджана обѣщали спасти, даже устроили ему побѣгъ, но едва онъ оставилъ тюрьму, какъ былъ снова схваченъ, послѣ чего къ нему было предъявлено обвиненіе въ намѣреніи возмутить киргизъ противъ китайскаго императора. Эпилогомъ этой гнусной исторіи была казнь Дамеджана 3 апрѣля 1908 года.

*) Откочевки китайскихъ киргизъ въ русскіе предѣлы и наоборотъ происходили въ прежніе годы очень нерѣдко, *Авт.*

Распоряженіе о казни было получено въ Чугучакѣ начальникомъ штаба военнаго губернатора (самъ онъ былъ въ отлучкѣ) вечеромъ 2 апрѣля и держалось имъ въ такомъ секретѣ, что стало извѣстно прочимъ китайскимъ властямъ лишь за три часа до казни. Изъ-подъ руки тогда же узналъ о ней и русскій консулъ. Зная дѣйствительныя причины гибели Дамеджана, консулъ тотчасъ попросилъ начальника штаба пріостановить казнъ, чтобы дать ему время снестись по поводу ея съ тарбагатайскимъ губернаторомъ. Консулъ указалъ, что со стороны русскихъ торговцевъ къ Дамеджану предъявлено исковъ на 2000 р., удовлетвореніе которыхъ, въ случаѣ смерти Дамеджана и въ виду конфискаціи его имущества китайскими властями, станетъ невозможно. На это заступничество начальникъ штаба отвѣтилъ, что предписаніе о казни получено имъ въ такой категорической формѣ, что отсрочить ее онъ не имѣетъ права.

Казнь была назначена черезъ удушеніе. Отъ очевидцевъ изъ русскихъ я слышалъ о ней слѣдующія подробности.

Дамеджана вывели изъ манчжурской крѣпости въ телѣгѣ съ пѣшими солдатами впереди и конными сзади. Все время шла трескотня отъ взрыва въ разныхъ мѣстахъ нарочно устроенныхъ пороховыхъ зарядовъ. Дамеджанъ стоялъ въ телѣгѣ на колѣняхъ, со связанными назади руками, причемъ его держалъ за плечи сидѣвшій въ той же телѣгѣ китаецъ. Во время переѣзда Дамеджанъ проклиналъ китайскія власти, и его никто не останавливалъ. Недалеко отъ крѣпости заранѣе былъ вбитъ столбъ высотой въ 4 аршина съ какой-то перекладиной наверху и веревкой внизу, связанной кругомъ. Когда телѣга подъѣхала къ мѣсту казни, Дамеджана стащили съ нея и поставили на колѣняхъ около столба такъ, что веревка окружила его шею и столбъ. Дамеджанъ ужасно кричалъ... Затѣмъ два палача стали по бокамъ Дамеджана и начали скручивать веревку съ двухъ сторонъ при помощи палокъ. Лицо Дамеджана синѣло, глаза расширялись, но кричать онъ не могъ. Тогда веревку раскручивали, давали казнимому очнуться, чтобы черезъ нѣсколько минутъ приняться за ту же пытку. Ноги у Дамеджана вытянулись, третій палачъ раздвигалъ ихъ палкой и билъ ногой Дамеджана по животу, такъ что у него оказались разбитыми мочевой пузырь и проч. Наконецъ, не-

счастному забили ротъ глиной и новое скручиваніе веревки положило конецъ его мукамъ. Казнь продолжалась около часа...

Сами китайскіе чиновники нашли потомъ, что при совершеніи казни было допущено много излишней жестокости. Такъ, по закону, бить Дамеджана было нельзя, и самое скручиваніе веревки могло производиться лишь три раза, послѣ чего преступникъ, если подаетъ признаки жизни, отдается желающимъ его взять, причемъ онъ объявляется въ такихъ случаяхъ стоящимъ внѣ покровительства законовъ. Во время казни протестовъ среди сбѣжавшейся толпы не было, но въ общемъ она вызвала глубокое негодованіе противъ китайцевъ среди мусульманъ. Черезъ день тѣло казненнаго было передано его семейству и при громадномъ стеченіи народа похоронено на магометанскомъ кладбищѣ въ русской факторіи.

Жестокость китайцевъ казнью Дамеджана не закончилась. Вечеромъ въ день его похороны въ консульство прибѣжали три жены покойнаго и умоляли дать имъ убѣжище, такъ какъ до нихъ дошли слухи, что китайскія власти стали ихъ разыскивать, чтобы перебить. Дѣйствительно, у китайскихъ чиновниковъ много было основаній къ тому, чтобы погубить женъ Дамеджана, въ особенности старшую, которая подкупала чиновниковъ, когда мужъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, и лично передавала имъ деньги. У той же жены были припрятаны доставленные потомъ тайно въ факторію разные компрометирующіе чиновниковъ документы. Какъ только стало извѣстно, что жены Дамеджана скрываются въ факторіи, китайскія власти на самомъ дѣлѣ потребовали, чтобы консулъ ихъ выдалъ. Къ счастью, этого не случилось. Консулъ отвѣтилъ, что женъ Дамеджана лично онъ не держитъ въ факторіи, но что для насильственной выдачи ихъ китайцамъ нѣтъ основаній: ни въ какомъ преступленіи онѣ не обвиняются и какъ бывшія до замужества въ русскомъ подданствѣ желаютъ возвратиться къ своимъ родичамъ въ русскіе предѣлы. Дальнѣйшихъ настояній о выдачѣ не было.